

АРХИВ

УДК 347.78.01

DOI: 10.17223/1998863X/36/38

В.С. Клочихина, В.В. Оглезнев

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: РОБЕРТ НОЗИК *VERSUS* ДЖОН РОЛЗ¹

Представлена реконструкция дискуссии Роберта Нозика и Джона Ролза по проблеме соотношения интеллектуальной собственности и социальной справедливости. Показано, что господствующее в вопросах интеллектуальной собственности либертарианство Нозика превалирует над эгалитаризмом Ролза и что социальную справедливость следует рассматривать в контексте права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, социальная справедливость, авторское право, частная собственность, Роберт Нозик, Джон Ролз.

«Надерет ли Нозик задницу Ролзу? Интеллектуальная собственность и социальная справедливость» так назвали свою статью американские ученые Анупам Чендер и Мадхави Сандер, перевод которой представлен ниже. Они отмечают, что на этот вопрос существуют как положительный, так и отрицательный ответы. Стоит ли распространять позицию Ролза на интеллектуальную собственность или следует к ней относиться как к частной, согласно концепции Нозика? Как нам кажется, позицию Нозика в отношении интеллектуальной собственности можно признать более рациональной и гораздо более приспособленной для решения возложенных на законы об интеллектуальной собственности задач. И вот почему.

Ролз отмечает, что природные таланты произвольны с моральной точки зрения [1. С. 75–77], а раз таланты произвольны с моральной точки зрения, то нужно это различие уравнивать [1. С. 97]. Он развивает мысль дальше и предлагает признавать таланты «общим достоянием» [1. С. 97–98]. Нозик, напротив, считает, что таланты принадлежат людям, которые ими обладают. Каждый человек, если достигает чего-то или что-то получает благодаря своим талантам, *имеет право* на этот объект [2. С. 280–284]. Это приводит оппонентов к совершенно противоположным выводам: Ролз считает, что интеллектуальная собственность должна быть *всеобщим достоянием*, в то время как Нозик считает, что *интеллектуальная собственность – это собственность отдельного лица*, который может использовать и распространять ее по своему усмотрению. Поэтому если частная собственность неприкосновенна, то неприкосновенна и интеллектуальная собственность; именно автор имеет титул собственности на результаты своего труда [2. С. 195, 218, 220, 282].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6).

Но если мы разделяем принципы либерального равенства, указывающие в том числе на широкое распространение интеллектуальной собственности и признание ее всеобщим достоянием, то мы с необходимостью столкнемся со следующими проблемами.

Возьмем, к примеру, литературное произведение. Во-первых, кто будет покрывать (и как будут покрываться) издержки на печать книги, если выгода будет распределяться равномерно? Допустим, за вычетом издержек, покрывающих себестоимость продукта, мы получим некоторую прибыль от продажи. Почему она должна распределяться между всеми, если читать этот роман будут не все? Как тогда считать прибыль от продажи? Будем ли мы учитывать спрос, и получится ли в итоге, что книгу можно будет брать бесплатно или с огромной скидкой? Во-вторых, общество как бы принуждает автора к труду, фактически присваивая результаты его труда аналогично налогообложению (Нозик убедительно критикует налоги, называя их разновидностью принудительного труда [2. С. 216–220]).

Если общество присваивает результаты труда автора, то, значит, оно и должно полностью покрывать все издержки этого труда: как необходимые (кисти и холсты, бумагу и печатную краску, печатное устройство, электричество для компьютера, струны, нотные книги и т.п.), так и дополнительные (например, бытовые издержки). То есть абсолютно все издержки, которые автор понесет (или понес) в процессе создания интеллектуального продукта. И только тогда общество может претендовать на его труд и распространять его (идея основывается на принципе компенсации [2. С. 109–115, 128, 87–88]).

Как мы видим, приравнивание интеллектуальной собственности к частной необходимо для справедливого отношения к авторам интеллектуального труда. Именно поэтому нельзя смягчать условия защиты авторского права и законов об интеллектуальной собственности для широкого применения результатов научных и творческих открытий. Необходимо оставить авторам возможность покрывать свои издержки.

Думается, что право интеллектуальной собственности в первую очередь должно способствовать возмещению издержек авторам открытий.. Они могут использовать для этого правила режима частной собственности, т.е. отчуждать свои авторские права на готовые изделия или идеи; они могут применять санкции к нарушителям (например, за плагиат или промышленный шпионаж). Представляется, что процесс защиты интеллектуальной собственности при таком подходе будет способствовать стимулированию других исследований и открытий.

Таким образом, подход к рассмотрению интеллектуальной собственности в контексте социальной справедливости, развиваемый Робертом Нозином, оказывается наиболее удобным для ответа основным требованиям, предъявляемым к интеллектуальной собственности и справедливости.

НАДЕРЕТ ЛИ НОЗИК ЗАДНИЦУ РОЛЗУ? ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ¹

Анупам Чендер и Мадхави Сандер

Введение

«Нозик надерет задницу Ролзу». Это заявил Талха Сайед группе ученых, занимающихся вопросами интеллектуальной собственности, которые собрались в небольшом колледже городка Дэвис в Калифорнии на конференции «Интеллектуальная собственность и социальная справедливость» в марте 2006 года [3]. Никто этого утверждения не отрицал.

Роберт Нозик является одним из ведущих интеллектуальных противников распределительной справедливости [4]. В то время как Джон Ролз предложил самую важную на сегодня политическую теорию, оправдывающую эгалитаризм [5]. Таким образом, может показаться, что предположение, что Нозик одолел Ролза, бросает тень на призывы к включению требований социальной справедливости в право интеллектуальной собственности. Как бы там ни было, социальная справедливость в основном воспринимается как нечто, предполагающее наличие обязательств перед малоимущими.

Затмевает ли, в самом деле, господствующее в вопросах интеллектуальной собственности либертарианство Нозика эгалитаризм Ролза? Есть веские основания ответить «нет». От Дохи до Женева, от Рио-де-Жанейро до Ахмадабада, от Пало-Альто до Нью-Хейвена, от Дэвиса до Копенгагена отдельные индивиды и группы настаивают на том, что интеллектуальная собственность должна служить широкому спектру человеческих целей. Эти города для растущих сетей являются своего рода стартовыми площадками, предназначенными для улучшения распределения интеллектуальной собственности. В 2001 году в Дохе (Катар) государства-члены Всемирной торговой организации заявили, что право интеллектуальной собственности «не препятствует и не должно препятствовать принятию членами-государствами мер по защите здравоохранения» [6]. В 2004 году в Женеве Всемирная организация интеллектуальной собственности попыталась добиться включения вопросов интеллектуальной собственности в «повестку дня» Генеральной Ассамблеи [7]. В 1992 году в Рио-де-Жанейро страны одобрили и подписали Конвенцию о биологическом разнообразии, признающую, что государственный контроль над биологическими ресурсами будет способствовать сохранению биологического разнообразия [8]. Например, в Ахмадабаде (Индия) сетевая компания «Пчелиный мед» (Honey Bee Network) старается на равных условиях делиться с широкими слоями населения местными сельскохозяйственными инновациями [9]. В Пало-Альто родилось «Творческое сообщество» (Creative Commons), которое помогает производителям продвигать свою продукцию через упрощенное лицензирование. В Дэвисе некоммерческая организация «Ведомство государственных ресурсов интеллектуальной собственности для

¹ Перевод с англ. В.С. Ключихиной и В.В. Оглезнева. Перевод выполнен по изданию: Chander A., Sunder M. Is Nozick Kicking Rawls's Ass? Intellectual Property and Social Justice // UC Davis Legal Studies Research Paper Series. 2007. Research Paper No. 108. P. 563–579. Публикуется с разрешения авторов.

сельского хозяйства» (Public Intellectual Property Resource in Agriculture) стремится через институт патентов, выдаваемых государственными учреждениями, сформировать удобные патентные фонды для облегчения гуманистического использования сельскохозяйственных культур. В Копенгагене сотрудники креативной команды Суперфлекс (Superflex) помогают фермерам развивающихся стран брендировать свою продукцию в том же стиле, как и большие транснациональные корпорации, в результате чего эти фермеры могут маркировать товарным знаком продукты, которые они производят.

Все это не побочные проявления, не борьба с ветряными мельницами, скорее это конкретные решения реальных мировых проблем, от расширения доступа к медицине и культуре до стимулирования развития экономики и полезных социальных инноваций. Не вся эта деятельность является враждебной интеллектуальной собственности, многие стремятся использовать интеллектуальную собственность для достижения общественных целей.

До сих пор теория интеллектуальной собственности отставала от практики. Но недавние работы по этой теме опровергают заявление, что либертарианство превалирует и над правом интеллектуальной собственности и над учеными-юристами.

Актуальность включения социальной справедливости в область интеллектуальной собственности сегодня обусловлена тремя моментами, два из которых являются технологическими, а третий – юридическим: (1) развитие Интернета, (2) рост биотехнологий и (3) вступление в силу Соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights).

Интернет через всевозможные программы (от www и e-мейла до файло-обменных серверов) позволяет любому пользователю распространять объекты и предметы интеллектуальной собственности довольно дешево и на большие расстояния. Эти радикальные изменения в технологии распространения интеллектуальных продуктов позволяют надеяться на еще более широкое применение человеческого знания. «Бесконечная библиотека» Борхеса (более известная как «Вавилонская библиотека». – *Прим. пер.*), становится почти возможной, хотя пока не ясно, возродит ли ее Google или консорциум библиотек [10. С. 1207, 1220]¹. В то же время готовность распространять информацию (нарушающую авторские права) привела к принятию законов, предусматривающих уголовную ответственность за обход технологий, которые защищают интеллектуальную собственность, законов, которые могут быть использованы для ограничения распространения информации или ограничения конкуренции [11. С. 160; 12. С. 205, 208; 13. С. 519, 546]. Представление о развитии человечества посредством обмена информацией побудило многих сконцентрироваться на том, как интеллектуальная собственность может препятствовать или способствовать реализации этого представления.

Растущее значение биотехнологий в достижениях сельского хозяйства и медицины все больше вовлекает интеллектуальную собственность в эти сферы. Зеленая революция стала возможной благодаря научным достиже-

¹ Действительно, сегодня это стало возможным: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/jorge-luis-borges-fan-brings-his-infinite-library-to-life-online-10224447.html> — *Прим. пер.*

ям в сельском хозяйстве, по большей части независимо от требований интеллектуальной собственности, но сегодняшние открытия будут зависеть от патентуемых (а скорее всего запатентованных) инноваций. С одной стороны, это позволит повысить заинтересованность в проведении исследований с частным финансированием, но, с другой стороны, может помешать продвижению инноваций, которые могли бы навести порядок в уже выданных патентах. Усилия по совершенствованию генетически модифицированного штамма «золотого риса», обогащенного бета-каротином, оказались тщетными, когда было обнаружено, что несколько из семидесяти зарегистрированных патентов были на гены и генные конструкции, уже находившиеся в собственности около тридцати двух компаний и учреждений [14, 15, 16]. Возможно, должно быть хоть немного свободы действий в сферах биотехнологий, по крайней мере, в виде отсутствия разрешений от десятков всемирных организаций.

Третий момент, хотя Соглашение по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность сейчас действует везде, но в менее развитых странах требуются патенты на все: от семян до лекарственных препаратов, делая тем самым право интеллектуальной собственности буквально вопросом жизни или смерти. Парадокс состоит в том, что интеллектуальная собственность, «проникая во все уголки нашей жизни и в наиболее обездоленные уголки современного мира... обнажает хрупкость его экономических основ, усиливая тем самым их социальное и культурное влияние» [17. С. 257, 260]. Сегодня мы знаем, например, что права интеллектуальной собственности не стимулируют создание препаратов для лечения болезней малоимущих и что интеллектуальная собственность не может предложить никаких стимулов для создания таких препаратов, когда в стране не хватает инфраструктуры, необходимой для технологических изменений. Как отмечает профессор Лоуренс Хэлфер, комитет Организации Объединенных Наций недавно признал широкое влияние Соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность «(1) на передачу технологий развивающимся странам, (2) на последствия от патентов на генно-модифицированные организмы для права на здоровое питание, (3) на биопиратство; (4) на защиту культур коренного населения и (5) на влияние на право на здоровье юридических ограничений доступа к запатентованным фармацевтическим препаратам» [18. С. 971, 985].

В этой части статьи мы попытались обозначить основные аргументы в пользу рассмотрения интеллектуальной собственности через призму социальной справедливости. Далее мы постараемся защитить наше основное положение, которое объяснит, почему мы должны внимательно относиться к социальной справедливости, если хотим установить границы интеллектуальной собственности. В первой части мы рассмотрим работы, касающиеся известной философской дискуссии между Нозиком и Ролзом, показывающей, что нормы эгалитаризма пробиваются сквозь серьезное давление на теорию интеллектуальной собственности. Кто-то возразит. И будет утверждать, что интеллектуальная собственность должна служить одной цели – стимулированию создания культурных и научных продуктов, как того требует рынок. Но проблемы социальной справедливости заключаются в другом, возможно, в вопросах налогообложения и выплаты социальных пособий [19. С. 33]. Во

второй части мы приведем аргументы против такого упрощенного представления о праве интеллектуальной собственности.

1. Аргументы в пользу интеллектуальной собственности и социальной справедливости

По мнению Нозика, социальная справедливость требует, чтобы правительство как можно меньше вмешивалось в частные соглашения, а вместо этого больше времени уделяло бы их защите [4. С. 12, 149]. Нозик выделяет в вопросе о социальной справедливости в отношении собственности три момента: (1) справедливость первоначального приобретения, (2) справедливость последующих обменов и (3) справедливость компенсации за нарушение (1) и (2) [4. С. 151–152]. Касательно первоначального приобретения Нозик в значительной степени следует Джону Локку, признавая за производителями право владеть тем, что они создали, и присваивать то, что никому не принадлежит, при условии, что такое присвоение оставляет «достаточное количество благ» и для других [4. С. 174–178]. Справедливость последующих обменов больше всего походит на свободный рынок. Правительство должно избегать влияния на них или принуждать к обмену (включая налогообложение, которое Нозик приравнивает к принудительному труду). Справедливость компенсации очень проста: возместить потерпевшему причиненный вред.

Для Нозика свобода является базовой ценностью, которую он рассматривает как свободу от государства, в то время как теория Ролза предполагает создание эгалитарного общества, требующего непосредственного участия государства. Политические институты всегда должны стремиться улучшить все плохое в обществе; их успех или неудача зависит от того, как они достигают этой цели. Основное разногласие Ролза с Нозиком заключается в том, как политические институты могли бы защитить частную собственность и свободный договор с минимальным перераспределением.

А. Интеллектуальная собственность и распределительная справедливость

Вопросам распределительной справедливости через призму интеллектуальной собственности посвящено много научных работ. Профессор Уильям Фишер и Талха Сайед в своей впечатляющей статье приводят шокирующий факт, предназначенный для обоснования того, что на глобальном уровне распределительную справедливость следует рассматривать в контексте интеллектуальной собственности:

Каждый год в развивающихся странах примерно девять миллионов человек умирают от инфекционных заболеваний. Большую часть этих смертей можно было бы предотвратить либо путем снижения цен на имеющиеся лекарства, либо путем увеличения ресурсов, выделяемых на создание новых вакцин и методов лечения этих заболеваний [3. С. 583].

Фишер и Сайед обращаются к основному вопросу глобальной распределительной справедливости: почему богатые страны должны тратить на нужды здравоохранения больше, чем бедные? Как и Ролз, они сосредоточены не на «морали индивидуального выбора» (например, давать или не давать), а на «обязанности учреждений» [3. С. 588]. Они рассматривают аргументы «от

исторической справедливости, социальной полезности и деонтологических и телеологических теорий распределительной справедливости» [3. С. 584]. Они приходят к выводу, что каждая из этих философских теорий (от утилитаризма до космополитизма) поддерживает обязательства, связанные со здоровьем от севера до юга.

Фишер и Сайед создают прочную философскую основу для практического предложения Джеймса Лава о том, что по соглашению по НИОКР в области медицины (Medical Research and Development Treaty) развитые страны будут финансировать создание и доставку основных лекарств для лечения СПИДа и других заболеваний в развивающихся странах [20. С. 679, 696–705]. Создатели инноваций как развивающихся, так и развитых стран будут вознаграждены не за счет лицензионных платежей от патентов на свои изобретения, а через премирование за увеличение лечебного эффекта их изобретений по сравнению с имеющимися лекарствами. Джеймс Лав исследует, как возможно перенаправить деньги на исследования в частные R&D фонды, чтобы получить доступ к частным инвестициям.

Профессор Маргарет Чон указывает на то, что основной проблемой распределительной справедливости является определение того, как распределить права на технические знания между производителями и пользователями [21. С. 803, 807]. Принимая во внимание принцип «перевернутой» перспективы Ролза, который учитывает влияние режима глобальной интеллектуальной собственности на тех, кто находится на периферии глобального общества, профессор Маргарет Чон показывает, какой недостаток испытывают беднейшие слои населения в доступе к базовым школьным учебникам. Она утверждает, что право интеллектуальной собственности не должно стоять на пути широкого распространения учебников даже тогда, когда образование нуждается в средствах для компенсации авторских прав на эти учебники.

Профессор Кейт Айоки размышляет о справедливости первоначального приобретения интеллектуальной собственности. Например, «непризнание рабов владельцами патентов» [22. С. 717, 741] подразумевает, что, несмотря на то, что изобретения афроамериканцев могут найти свое применение, находятся те, которые оправдывают отказ в выдаче им патентов по причине того, что им «не хватает требуемого изобретательского мастерства для создания или обладания патентуемыми идеями» [22. С. 742]. Некоторые историки считают, что, например, Эли Уитни мог позаимствовать у рабов идею очистки хлопка. Цель Айоки состоит не в том, чтобы просто предложить устранить несправедливость непризнания авторских прав за афроамериканцами, но рассматривать право интеллектуальной собственности в социальном контексте. Например, Айоки жестко иронизирует над тезисом, что процедура очистки хлопка могла бы продлить экономическую рентабельность рабства, потому что от возрастающего давления рынка эта инновация и возникла [22. С. 745–746]. Точно так же Айоки после демонстрации неспособности закона об авторском праве признать, что блюз придумали афроамериканцы, стремится не к тому, чтобы предоставить индивидуальное право интеллектуальной собственности таким исполнителям, но, скорее, к тому, чтобы предложить режим ограниченной общей собственности, предоставляющий таким исполнителям

возможность свободного заимствования идей друг у друга тогда, когда повысится их рыночная позиция в отношении третьих лиц.

В то время как Айоки описывает общества, которые не получили экономической выгоды от своих изобретений (проблема, с которой сталкивались и Локк, и Нозик), в работе профессора Розмари Кумб, Стивена Шнура и Мошена Ахмеда рассматриваются попытки традиционных обществ превратить в товар их культурные знания [23. С. 891]. Для своей экономической выгоды эти сообщества используют такие инструменты интеллектуальной собственности, как товарные знаки, сертификаты, авторские права, патенты и географические указания. Они изучают, какое место они могут занять на рынке, как им выгоднее продать свои традиции, историю и национальную идею. При этом Кумб и ее соавторы опасаются двух вещей: во-первых, что эта стратегия возлагает большую нагрузку на интеллектуальную собственность, служащую инструментом механизма управления сообществом; и, во-вторых, что эта стратегия может овеществить определенные обычаи или иерархии.

Профессор Шубха Гош предлагает различать реальную общую собственность и общую интеллектуальную собственность [24. С. 855]. В отличие от реальной собственности, которая, по крайней мере сегодня, уже достаточно ясно разграничена, интеллектуальная собственность до сих пор остается неизученной. Это положение дел, считает Гош, непременно должно привести нас к рассмотрению распределительной справедливости, когда мы устанавливаем справедливость между самими создателями интеллектуальной собственности, между создателями и пользователями и между поколениями.

Профессор Энн Бартоу расширяет границы дискуссии – от структуры интеллектуальной собственности до ее применения к социальной справедливости, – обращаясь к практике именования публичных пространств [25. С. 919]. Она утверждает, что практики именования обладают огромным, хотя часто пренебрегаемым, культурным значением. Например, она отмечает, что мы склонны по-разному рассматривать «сообщества, где средняя школа названа именем Роберта Ли, и сообщества, где средняя школа названа именем Мартина Лютера Кинга-младшего» [25. С. 932–933] (этот пример попадает в самую точку: на юридическом факультете Калифорнийского университета в Дэвисе, который расположен в здании имени Мартина Лютера Кинга-младшего, есть исследования, анализирующие наследие Кинга в вопросах социальной справедливости в контексте права). Принимая во внимание культурные последствия таких наименований, она говорит о том, что обычные процессы подбора имен являются недемократичными. Она призывает к прозрачности и ответственности в этом процессе.

Подобно Ролзу и Нозику, многие исследователи имеют глубокие разногласия по поводу того, как сделать эту область права более социально справедливой. Некоторые авторы возражают, или по крайней мере, предостерегают от применения вопросов социальной справедливости к интеллектуальной собственности.

Профессор Роберт Мерджес в своей статье с забавным названием *Locke Remixed* ;-), предлагает два важных аргумента против перераспределения посредством нелицензионных культурных ремиксов, позицию, которую он связывает с Сандером и Кумб [26. С. 1259]. Его главный аргумент соответствует

Нозик (чья теория первоначального приобретения есть ремикс идеи Локка): производители заслуживают плодов своих трудов, и заставлять их отдавать значительное их количество было бы несправедливо [26. С. 1262]. Его второй аргумент более прагматичен: даже тогда, когда владельцы авторских прав могут иметь законное право остановить ремикс, они чаще всего не пользуются этим правом, возможно, потому, что они не возражают против конкретного их использования или из-за расходов на операции по осуществлению этих прав. Мерджес утверждает, что «культурный ремикс пророс и вырос довольно быстро без каких-либо серьезных изменений для закона об авторских правах» [26. С. 1263; 27].

Первый аргумент Мерджеса основывается на определенной моральной философии и поэтому может быть оспорен теми, кто не разделяет этой философии. Даже если кто-то разделяет мнение Нозика о собственности, мы все равно должны обращать внимание на справедливость первоначального приобретения, поскольку сегодняшние владельцы авторских прав часто используют продукты труда других без выраженного их согласия или компенсации. Другая же трудность, обозначенная самим Нозиком, заключается в том, где мы устанавливаем границы права собственности, которое вытекает из чьего-либо труда. Нозик задается вопросом, если я вылил свою банку томатного сока в океан, станет ли океан моим? Эта критика становится особенно резкой в контексте ремиксов идей, где необходимо правильно определить объем произведенной работы каждого; в конце концов, создание ремиксов такая же тяжелая работа, как и работа по созданию оригинальной идеи. Где должен заканчиваться оригинальный авторский надзор? Локковская теория управления может предоставить гораздо больше прав, чем чисто стимульно-управляемый расчет; это может обеспечить создателей стимулами, выходящими далеко за пределы необходимой для создания мотивации. Но полагаться на оговорку Локка об установлении границ – значит рассуждать слишком абстрактно и неопределенно.

Второй аргумент Мерджеса о том, что ремиксеры даже без законных прав делают свою работу хорошо потому, что владельцы авторских прав отказались от своих претензий из великодушия или по практическим соображениям, можно развернуть в другую сторону: если правилом было установлено иное, предоставляя больше прав на ремиксы третьим лицам, то, возможно, «доброта других» [26. С. 1264] продолжила бы фонтанировать, но уже в обратном направлении.

В. Интеллектуальная собственность и права человека

Хелфер утверждает, что права человека и интеллектуальная собственность развернулись навстречу друг к другу так, что их язык и требования стали пересекаться [18. С. 975]. Он предлагает три возможных будущих варианта переплетения прав человека и интеллектуальной собственности. Во-первых, владельцы интеллектуальной собственности могут использовать права человека для расширения своих требований к интеллектуальной собственности, сегодня основывающихся на фундаментальных правах человека. Во-вторых, страны могут использовать права человека для того, чтобы налагать внешние ограничения на интеллектуальную собственность, устанавливая

«внешние границы или максимальные стандарты защиты правообладателей» [18. С. 1017]. В-третьих, политики могли бы стремиться к достижению прав человека с помощью средств интеллектуальной собственности (т.е. признавая, что интеллектуальная собственность может либо помочь, либо навредить отдельным попыткам удовлетворить минимальные человеческие потребности).

Профессор Кэл Раустиала предлагает отрезвляющее вмешательство, высказывая сомнение, «способно ли, в конечном счете, введение концепции прав человека сделать международное право интеллектуальной собственности более социально справедливым или просто более могущественным» [28. С. 1021, 1023–1024]. Мы поговорим об этом во второй части нашей статьи.

Профессор Питер Ю пересматривает историю положений об интеллектуальной собственности во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [29. С. 1039, 1047–1070]. Он утверждает, что «необходимо четко определить, какие атрибуты права интеллектуальной собственности будут квалифицироваться как права человека и какие свойства или формы этих прав должны быть подчинены обязательствам в сфере прав человека, имея в виду отсутствие у них какой-либо правовой основы» [29. С. 1128]. Такое ясное определение показало бы, что права на интеллектуальную собственность, даже если они задуманы как права человека, не являются абсолютными, но должны находиться в балансе с другими, возможно, фундаментальными, правами человека.

С. Авторские права, творчество и каталоги

Отмечая отсутствие теорий культурного творчества, казалось бы, центрального вопроса авторского права, профессор Джулия Коэн начинает многообещающе витиевато рассказывать историю о том, как мы творим [30. С. 1151, 1190–1192]. Она рассматривает творчество (по словам профессора Лесли Курца) в терминах «внутреннего вознаграждения, творческой игры, интуитивной прозорливости, взаимного обогащения и неопределенной свободы видеть то, что произойдет, не зная об этом заранее» [31. С. 1233, 1244]. Закон об авторском праве, утверждает Коэн, должен стремиться не просто к стимулированию создания более творческих товаров, но к облегчению условий для творчества, включая главную возможность «играть» [30. С. 1190].

Поисковая система книг Google, обещая усилить такую игру со словами, начала оцифровывать коллекции самых больших библиотек мира и делать их общедоступными: в сокращенном виде – книги, защищенные авторским правом, и в полном виде – книги, являющиеся общественным достоянием. Но профессор Шива Вайдхайнатан опасается, что система защиты Google от недобросовестного использования этих копий не сработает и что такой неблагоприятный прецедент может навредить похожим проектам некоммерческих библиотек [10. С. 1230]. Библиотеки, по его мнению, должны быть публичными, а не частными проектами. Вайдхайнатан, преподающий на педагогическом факультете Нью-Йоркского университета, не доверяет Google как библиотеке, содержащей все человеческие знания.

Курц и профессор Молли Ван Ховелинг изящно обобщают выводы Коэна и Вайдхайнатана. Ван Ховелинг обеспокоен тем, что при переходе от физи-

ческих к виртуальным библиотекам многое может утратиться, включая физический контакт людей со стеллажами книг [32. С. 1253, 1257].

Обсуждая описание Коэном игривой, непредсказуемой и имеющей культурные вкрапления природы творчества, Курц заключает: «Если авторское право стимулирует творчество, то нельзя жестко ограничивать возможность доступа и использования культурных ценностей» [31. С. 1244]. Курц более оптимистична, чем Вайдхайнатан, в отношении проекта библиотеки Google, как с точки зрения права, так и с точки зрения социальной справедливости. Она утверждает, что у Google «должна быть система защиты от недобросовестного использования» в первую очередь для того, чтобы «проект не навредил никому из участников рынка издательских услуг» [31. С. 1249]. Она также считает, что Google предлагает «полезный исследовательский инструмент», особенно тем, кто находится далеко от мировых интеллектуальных центров, позволяя каждому, у кого есть доступ в Интернет, «работать с самыми различными материалами» [31. С. 1250–1251].

2. Почему социальную справедливость следует рассматривать в контексте интеллектуальной собственности?

Право интеллектуальной собственности задумано человеком для решения фундаментальных проблем информационной экономики: без защиты интеллектуальной собственности готовность воспроизводить информацию ставит под сомнение желание ее создавать. Некоторые исследователи интеллектуальной собственности, которых условно можно назвать «оригиналистами интеллектуальной собственности» [17. С. 330], вооруженные этой экономической прозорливостью и поддерживаемые конституционным предписанием «поощрять развитие наук и полезных искусств» [33], всецело преданы основной задаче интеллектуальной собственности – стимулированию производства информации [34. С. 1031]. Поэтому они будут сопротивляться любому призыву расширить значение интеллектуальной собственности до значений, составляющих социальную справедливость.

А. Широкий взгляд на значение интеллектуальной собственности

Здесь мы будем отстаивать позицию, что представление об интеллектуальной собственности как предназначенной лишь для производства информационных продуктов является слишком узким. Мы предложим набор аргументов в пользу широкого понимания значений, объясняющих и задающих структуру права интеллектуальной собственности.

Стимулирование инноваций. Даже если мы заинтересованы исключительно в стимулировании инноваций, то не заинтересованы ли мы в том, какую именно инновацию мы стимулируем? Имеет ли значение то, что режим интеллектуальной собственности не может стимулировать создание препаратов для лечения заболеваний беднейших слоев населения? [3. С. 583; 20. С. 696–705] Несмотря на то, что некоторые правительства предпочитают официально оставаться технологически нейтральными, тем не менее они чаще стремятся стимулировать по большей части социально полезные изобретения. В деле *Metro-Goldwyn-Mayer Studios, Inc. v. Grokster, Ltd.* Верховный

суд США установил, что правило, поддерживающее развитие одних инноваций, может при этом ограничивать развитие других: «Чем больше оказывается внимания защите искусства, тем больше возникает затруднений в развитии технологических инноваций...» [35].

Обеспечение оснований для ограничения требований интеллектуальной собственности. Нацеленность на стимулирование творчества может привести к максималистским требованиям интеллектуальной собственности. Единственное ограничение на интеллектуальную собственность могло бы быть обнаружено (1) в требовании, что дополнительные права интеллектуальной собственности не являются необходимыми для стимулирования творчества и (2) в ситуации, когда расширение прав интеллектуальной собственности будет препятствовать творчеству других. Широкий спектр человеческих потребностей должен помочь сдерживать максималистские требования интеллектуальной собственности.

Низвержение целевой потребности не предполагает невнимания к другим потребностям. Тот факт, что правовой режим может быть создан для одной цели, не должен означать, что следует игнорировать его применение к другим целям. Государство наращивает армию для обеспечения защиты от вторжения на свою территорию других государств. В то же время государство может использовать армию и для решения внутренних проблем. Это может вызвать необходимость установления границ применения армией силы (например, установление запрета пыток или сексуальных домогательств), эти ограничения происходят не из самообороны, но по причине других моральных соображений. Аналогичным образом факт, что право интеллектуальной собственности может быть установлено по инструментальным причинам, не означает, что, когда мы устанавливаем его границы, другие цели не следует рассматривать. Более того, мы могли бы рассматривать стимулирующие причины даже в качестве первоочередных, но все равно важность других целей нельзя не учитывать.

Перераспределять через налогообложение неправильно. Те, кто не одобряет задачи социальной справедливости для развития интеллектуальной собственности, необязательно противопоставляют себя социальной справедливости. Зачастую они просто склонны считать, что наилучшей площадкой для обсуждения этих проблем является налогообложение. Но ожидание того, что мы в ближайшее время разберемся с режимом перераспределения налогов, выглядит совсем нереалистичным [19]. Более того, зачем нам усугублять эти недостатки через постулирование того, что система интеллектуальной собственности не признает равенства [36. С. 715; 37. С. 1331], если с ними можно было бы разобраться через систему налогообложения?

Необязательно расширять право интеллектуальной собственности на глобальном уровне. Становится все сложнее настаивать на одном-единственном максимизируемом факторе права интеллектуальной собственности, даже сложнее, чем навязывать западное право интеллектуальной собственности развивающимся странам. Узкая направленность на стимулирование инноваций через право интеллектуальной собственности не в состоянии отличить способности к инновациям от, что более важно, способностей к их коммерциализации. Такие способности могут быть ограничены либо не-

большими размерами внутренних рынков, либо отсутствием государственного финансирования исследований и разработок [37. С. 1351–1354]. Более того, глобальное расширение права интеллектуальной собственности не связано с возрожденной приверженностью к глобальному развитию. Бюджеты иностранной помощи остаются в основном на прежнем уровне или сокращаются, вряд ли это позволит компенсировать затраты на крупные лицензионные платежи, и сегодня благодаря Соглашению по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность это происходит повсеместно [38].

Акцент на целенаправленности не годится для других областей права. Право собственности, как большинство или, возможно, как все другие области права, не имеет подобного акцента на целенаправленности. Например, понятие права собственности на землю имеет множество значений, но является при этом справедливым и емким.

Сложно обосновать лицензионное использование охраняемого авторским правом материала, если интеллектуальная собственность ограничивается стимулированием. За интеллектуальной собственностью уже давно скрывается несколько значений, как, например, в первой поправке к Конституции США скрывается требование лицензирования. Недавние попытки реконструировать доктрину лицензионного использования в качестве ответа на вынужденные операционные издержки, вызванные обрушением рынка [39. С. 1600, 1627–1630], поставили эту доктрину под угрозу. Поскольку затраты на установление владельцев авторских прав и переговоры об уменьшении стоимости лицензий являются результатом распространения электронных информационных сетей, рынки вполне могут превратить лицензионное использование в использование за определенные деньги, ставя первое под сомнение. Широкое понимание значения интеллектуальной собственности могло бы обосновать необходимость лицензионного использования на фоне технологического износа.

Теория отстаёт от практики. Кажется, теоретики, предпочитая стимулирование, не замечают, что право интеллектуальной собственности уже наполнено проблемами многозначности. Так, судья Давид Сутер недавно заявил на заседании Верховного суда США, что «надо помнить, что следует воздерживаться от посягательств на обычные рыночные отношения» [35] – эта позиция выходит за рамки простого стимулирования производства. Признание того, что в нашей теоретической схеме интеллектуальная собственность обладает множеством значений, позволит разумно объяснить это право собственности.

В. Критика социальной справедливости

Здесь мы рассмотрим три критических замечания против нашего подхода.

Чьи значения мы отстаиваем? Многие опасаются того, что наш подход будет представлять собой что-то вроде юридической академии, воспитывающей платоновских правителей. Как мы устанавливаем множественность значений, которые следует рассмотреть? И чьи это значения: Ролза, Нозика или кого-то еще? [40, 41]

Но мы даже и не думали о том, чтобы предлагать какую-то определенную телеологию для интеллектуальной собственности. Скорее, это – задача демо-

кратии. Господствующая политика будет определять значения интеллектуальной собственности, точно так же как раньше считалось, что настоящим правом является лишь право собственности.

Судьи, конечно, будут принимать много подобных решений, и поэтому, как считают представители правового реализма, правосознание судей будет играть важную роль в определении права интеллектуальной собственности. И даже Биккел¹ не нашел никаких подтверждений того, что судебное решение, принятое на основе общего права, является недемократичным. У него были претензии к решениям в порядке конституционного надзора [42. С. 1193, 1194–1195].

Слишком сложно. Введение дополнительных значений в анализ интеллектуальной собственности значительно усложняет этот анализ. Но в нашем случае эта усложнение необходимо, чтобы прийти к правильному выводу. *Сужение анализа приведет к упрощению, а это, в свою очередь, приведет к неправильному ответу.* Упрощение гипотезы полезно лишь тогда, когда она не приводит к недействительным результатам. Экономика не должна наносить вред достижению справедливости.

Угроза всеобщему достоянию. Ученые, занимающиеся вопросами интеллектуальной собственности, предприняли героические усилия против ограничения доступа к информации, являющейся всеобщим достоянием. Многие опасаются того, что расширение нашего понимания интеллектуальной собственности будет способствовать укреплению максималистских требований к интеллектуальной собственности. Как пишет Раустиала, «введение языка прав человека в политические дискуссии об интеллектуальной собственности может... усилить влияние» требований к интеллектуальной собственности [28. С. 1032]. Раустиала понимает, что многие считают «несправедливой системой, при которой рафинированные продукты, основанные на традиционных знаниях и генетических ресурсах, защищаются международным правом интеллектуальной собственности, в то время как сами эти традиционные знания и ресурсы не защищаются» [28. С. 1033]. Но он опасается того, что основанные на правах человека требования к интеллектуальной собственности «еще сильнее отдалят ее от общедоступного», что приведет к удушению инноваций [28. С. 1033]. Он предупреждает, что «риск заключается в том, что язык и политика прав человека, проникая в язык и политику права интеллектуальной собственности, приведут к тому, что правительству будет все сложнее противостоять сладкозвучным песням тех, кто стремится к все большим правомочиям» [28. С. 1037].

До тех пор, пока мы принимаем во внимание это предостережение, мы считаем, что права человека – это основной источник *ограничения* интеллектуальной собственности, а не его расширения. Например, аргументы в пользу доступа к лекарственным средствам (и обязательным лицензионным программам, которые они часто подразумевают) основываются, как правило, не на требованиях авторства, но на стремлении к расширению человеческих возможностей. Профессор Ю обсуждает дело *Ashdown v. Telegraph Group Ltd.*

¹ Александр Мордекай Биккель (1924–1974) – профессор права и специалист в области конституционного права США. – *Прим. пер.*

[43], в котором Апелляционный суд Англии для того, чтобы установить обязательность получения газетой Дейли Телеграф разрешения на публикацию заметок о тайных встречах лорда Эшдауна с премьер-министром Тони Блэром, несмотря на заявления, что это будет нарушать издательское право, сделал ссылку на право в области прав человека [29. С. 1096–1099]. Таким образом, аргументы о правах человека могут быть использованы для отказа от продвижения интеллектуальной собственности, предлагая обоснования для его ограничения.

Действительно, наш аргумент может использоваться не для сокращения того, что не защищено авторским правом, но для его расширения. Признание многообразия значений, лежащих в основе интеллектуальной собственности, должно привести нас к выделению определенных прав на интеллектуальные продукты, а не к их консервации. Напомним, что новые подходы к собственности (как индивидуальной, так и общей), повышают наши способности объяснять и оправдывать законные ограничения собственности даже тогда, когда они предназначались для укрепления прав собственника. Тем не менее остаются опасения, что обладать правами, предназначенными для оказания помощи беднейшим слоям населения, будут, скорее всего, те, кто уже находится у власти.

Более того, любые попытки проведения каких-либо правовых реформ, даже в отношении того, что общедоступно, рискованны сами по себе. Также мы утверждали, что кампания по сохранению общедоступного, которая может называться по-разному, фактически будет выгодной лишь для власть имущих, которые имеют прекрасную возможность быстро присвоить общедоступные идеи и товары и использовать их в собственных целях [37. С. 1340–1341]. Мы считаем, что режим интеллектуальной собственности, ясно признающий и противостоящий этим социальным и культурным влияниям, наиболее всего приспособлен для решения этих проблем.

Заключение

Ни одна из сфер деятельности человека не является неуязвимой перед требованиями социальной справедливости. Интеллектуальная собственность, как и право собственности, задает структуру социальных отношений и имеет огромное социальное влияние. Часто можно услышать, что XXI век станет веком Знаний и Развития, и право интеллектуальной собственности поможет сформулировать возможности и способности человека этой эпохи.

И Ролз, и Нозик пытались разработать принципы наиболее справедливого общества. Теории интеллектуальной собственности не могут игнорировать их дискуссии, поскольку интеллектуальная собственность, действительно, в них присутствует [4. С. 141]. Современные авторы для того, чтобы понять интеллектуальную собственность, используют философию, социологию, экономическую теорию благосостояния, культурные исследования, феминистскую теорию и теорию коммуникации. Выходя далеко за пределы узкого, основанного на экономических стимулах, подхода, они наглядно показывают, что сегодня для изучения интеллектуальной собственности необходим широкий диапазон значений и подходов. Интеллектуальная собственность упорядочивает производство и распространение информации, поэтому разрабаты-

ния о социальной справедливости не могут находиться на периферии такой основной человеческой конструкции.

Литература

1. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
2. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
3. Fisher W.W., Syed T. Global Justice in Health Care: Developing Drugs for the Developing World // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 581–678.
4. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. Oxford: Blackwell Publishers, 1974.
5. Rawls J. A Theory of Justice. Revised Edition. Harvard University Press, 1999.
6. Всемирная торговая организация, приказ министерства от 14 ноября 2001.
7. Доклад Всемирной организации интеллектуальной собственности, сессия № 31 Генеральной Ассамблеи ООН, октябрь 2004.
8. Ст. 15 Конвенции о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года.
9. Honey Bee Network, What is Honeybee? <http://knownetgrin.honeybee.org/honeybee.html>
10. Vaidhyathan S. The Googlization of Everything and the Future of Copyright // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1207–1232.
11. Lessig L. Free Culture. How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity. New York: The Penguin Press, 2004.
12. Chander A. Exporting DMCA Lockouts // Cleveland State Law Review. 2006. Vol. 54. P. 205–217.
13. Samuelson P. Intellectual Property and the Digital Economy: Why the Anti-Circumvention Regulations Need to Be Revised // The Berkeley Technology Law Journal. 1999. Vol. 14. P. 1–49.
14. Kryder R.D., Kowalski S.P., Krattiger A.F. The Intellectual and Technical Property Components of pro-Vitamin A Rice (GoldenRice™): A Preliminary Freedom-To-Operate Review. ISAAA Briefs No. 20. 2000. ISAAA: Ithaca, NY. URL: <http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=piercelaw/facseries>.
15. Greenpeace, All That Glitters Is Not Gold: The False Hope of Golden Rice, May 2005. URL: <http://www.greenpeace.org/raw/content/international/press/reports/all-that-glitters-is-not-gold.pdf>
16. Shiva V. The “Golden Rice” Hoax: When Public Relations Replaces Science. URL: <http://online.sfsu.edu/~rone/GEessays/goldenricehoax.html>
17. Sunder M. IP3 // Stanford Law Review. 2006. Vol. 59. P. 257–332.
18. Helfer L.R. Toward a Human Rights Framework for Intellectual Property // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 971–1020.
19. Kaplow L., Shavell S. Fairness Versus Welfare. Harvard University Press, 2002.
20. Love J. Measures to Enhance Access to Medical Technologies, and New Methods of Stimulating Medical R&D // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 679–715.
21. Chon M. Intellectual Property “from Below”: Copyright and Capability for Education // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 803–854.
22. Aoki K. Distributive and Syncretic Motives in Intellectual Property Law (with Special Reference to Coercion, Agency, and Development) // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 717–801.
23. Coombe R.J., Schnoor S., Ahmed M. Bearing Cultural Distinction: Informational Capitalism and New Expectations for Intellectual Property // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 891–917.
24. Ghosh S. The Fable of the Commons: Exclusivity and the Construction of Intellectual Property Markets // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 855–890.
25. Bartow A. Trademarks of Privilege: Naming Rights and Physical Public Domain // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 919–970.
26. Merges R. Locke Remixed ; - // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1259–1273.
27. Chander A., Sunder M. Everyone’s a Superhero: A Cultural Theory of Mary Sue Fan Fiction as Fair Use // California Law Review. 2007. Vol. 95. P. 597–626.
28. Raustiala K. Density and Conflict in International Intellectual Property Law // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1021–1038.
29. Yu P.K. Reconceptualizing Intellectual Property Interests in a Human Rights Framework // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1039–1149.

30. *Cohen J.E.* Creativity and Culture in Copyright Theory // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1151–1205.
31. *Kurtz L.A.* Copyright and the Human Condition // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1233–1252.
32. *Van Houweling M.S.* Bumping Around in Culture: Creativity, Spontaneity, and Physicality in Copyright Policy // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1253–1257.
33. Конституция США. Ст. I, § 8, ч. 8.
34. *Lemley M.A.* Property, Intellectual Property, and Free Riding // Texas Law Review. 2005. Vol. 83. P. 1031–1075.
35. *Metro-Goldwyn-Mayer Studios, Inc. v. Grokster, Ltd.*, 125 S. Ct. 2764, 2775 (2005).
36. *Chander A.* The New, New Property // Texas Law Review. 2003. Vol. 81. P. 715–798.
37. *Chander A., Sunder M.* The Romance of the Public Domain // California Law Review. 2004. Vol. 92. P. 1331–1373.
38. Commission On Intellectual Property Rights, U.K. Secretary Of State For International Development, Integrating Intellectual Property Rights And Development Policy 21 (2002): http://www.iprcommission.org/graphic/documents/final_report/CIPRfullfinal.pdf.
39. *Gordon W.J.* Fair Use as Market Failure: A Structural and Economic Analysis of the Betamax Case and Its Predecessors // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82. P. 1600–1657.
40. *Ackerman B.A.* Social Justice in the Liberal State. New Haven: Yale University Press, 1980.
41. *Barry B.* Why Social Justice Matters. Cambridge: Polity Press, 2005.
42. *Chander A.* Globalization and Distrust // Yale Law Journal. 2005. Vol. 114. P. 1193–1236.
43. *Ashdown V.* Telegraph Group Ltd. [2002] EWCA (Civ) 1142, [2001] W.L.R. 967 (Eng.).

Ogleznev Vitaly V. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/31

Klochikhina Veronika S. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/31

INTELLECTUAL PROPERTY AND SOCIAL JUSTICE: ROBERT NOZICK VERSUS JOHN RAWLS

Keywords: intellectual property, social justice, copyright law, private property, Robert Nozick, John Rawls

This essay presents the overview and analysis of the discussion between Robert Nozick and John Rawls that is stated in the article “Is Nozick Kicking Rawls’s Ass? Intellectual Property and Social Justice” written by Anupan Chander and Madhavi Sunder, American intellectual property law scholars. The translation of these articles is published in the present number. Is the libertarian vision of Nozick in ascendance in intellectual property, overshadowing Rawls’s egalitarianism? Yes, and rightly so, some intellectual property scholars suggest. They argue that intellectual property law seeks to solve a fundamental problem of information economics: without intellectual property protections, the ready duplicability of information undermines incentives to create information. Armed with this economic insight and fortified a neo-liberal faith that markets with well-defined property rights in information will best promote liberty, these scholars would keep intellectual property’s focus single-minded: to incentivize the production of information. The authors argue that this view is too narrow. A variety of societal goals must inform intellectual property law because (1) understanding intellectual property’s impact on a variety of social values helps us restrain maximalist intellectual property demands; (2) relying on the tax and welfare systems to remedy any resulting distributional deficiencies is unrealistic; (3) the reason for existence of Western intellectual property laws is not necessarily globally scalable because of varying capacities to innovate; (4) we must attend to the kind of innovation that law spurs (for example, does the existing regime adequately incentivize the discovery of treatments for poor people’s diseases?); and (5) we can best understand fair use doctrine not just as market failure but as an important component of free speech.

References

1. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Nozick, R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State and Utopia]. Translated from English by B. Pinsker. Moscow: IRISSEN.

3. Fisher, W.W. & Syed, T. (2007) Global Justice in Health Care: Developing Drugs for the Developing World. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 581–678.
4. Nozick, R. (1974) *Anarchy, State and Utopia*. Oxford: Blackwell Publishers.
5. Rawls, J. (1999) *A Theory of Justice*. Revised Edition. Harvard University Press.
6. Ministry of Economic Development. (2001) *Vsemirnaya trgovaya organizatsiya, prikaz ministerstva ot 14 noyabrya 2001* [World Trade Organization, Order of the Ministry of November 14, 2001].
7. UN General Assembly. (2004) *Doklad Vsemirnoy organizatsii intellektual'noy sobstvennosti, sessiya № 31 General'noy Assamblei OON, oktyabr' 2004* [Report of the World Intellectual Property Organization, Session 31 of the UN General Assembly in October].
8. UNO. (1992) *St. 15 Konventsii o biologicheskoy raznoobrazii ot 5 iyunya 1992 goda* [Convention on Biological Diversity, Art. 15 of June 5, 1992].
9. Honey Bee Network. (n.d.) *What is Honeybee?* [Online] Available from: <http://knownetgrin.honeybee.org/honeybee.html/>
10. Vaidhyanathan, S. (2007) The Googlization of Everything and the Future of Copyright. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1207–1232.
11. Lessig, L. (2004) *Free Culture. How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. New York: The Penguin Press.
12. Chander, A. (2006) Exporting DMCA Lockouts. *Cleveland State Law Review*. 54. pp. 205–217.
13. Samuelson, P. (1999) Intellectual Property and the Digital Economy: Why the Anti-Circumvention Regulations Need to Be Revised. *The Berkeley Technology Law Journal*. 14. pp. 1–49.
14. Kryder, R.D., Kowalski, S.P. & Krattiger, A.F. (2000) The Intellectual and Technical Property Components of pro-Vitamin A Rice (GoldenRice™): A Preliminary Freedom-To-Operate Review. *ISAAA Briefs*. 20. [Online] Available from: <http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=piercelaw/facseries>.
15. Greenpeace. (2005) *All That Glitters Is Not Gold: The False Hope of Golden Rice*. [Online] Available from: <http://www.greenpeace.org/raw/content/international/press/reports/all-that-glitters-is-not-gold.pdf>.
16. Shiva, V. (n.d.) *The “Golden Rice” Hoax: When Public Relations Replaces Science*. [Online] Available from: <http://online.sfsu.edu/~rone/GEessays/goldenricehoax.html>.
17. Sunder, M. (2006) IP3. *Stanford Law Review*. 59. pp. 257–332.
18. Helfer, L.R. (2007) Toward a Human Rights Framework for Intellectual Property. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 971–1020.
19. Kaplow, L. & Shavell, S. (2002) *Fairness Versus Welfare*. Harvard University Press.
20. Love, J. (2007) Measures to Enhance Access to Medical Technologies, and New Methods of Stimulating Medical R&D. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 679–715.
21. Chon, M. (2007) Intellectual Property “from Below”: Copyright and Capability for Education. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 803–854.
22. Aoki, K. (2007) Distributive and Syncretic Motives in Intellectual Property Law (with Special Reference to Coercion, Agency, and Development). *UC Davis Law Review*. 40. pp. 717–801.
23. Coombe, R.J., Schnoor, S. & Ahmed, M. (2007) Bearing Cultural Distinction: Informational Capitalism and New Expectations for Intellectual Property. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 891–917.
24. Ghosh, S. (2007) The Fable of the Commons: Exclusivity and the Construction of Intellectual Property Markets. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 855–890.
25. Bartow, A. (2007) Trademarks of Privilege: Naming Rights and Physical Public Domain. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 919–970.
26. Merges, R. (2007) Locke Remixed. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1259–1273.
27. Chander, A. & Sunder, M. (2007) Everyone’s a Superhero: A Cultural Theory of Mary Sue Fan Fiction as Fair Use. *California Law Review*. 95. pp. 597–626.
28. Raustiala, K. (2007) Density and Conflict in International Intellectual Property Law. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1021–1038.
29. Yu, P.K. (2007) Reconceptualizing Intellectual Property Interests in a Human Rights Framework. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1039–1149.
30. Cohen, J.E. (2007) Creativity and Culture in Copyright Theory. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1151–1205.
31. Kurtz, L.A. (2007) Copyright and the Human Condition. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1233–1252.

32. Van Houweling, M.S. (2007) Bumping Around in Culture: Creativity, Spontaneity, and Physicality in Copyright Policy. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1253–1257.
33. *The Constitution of the United States*. Art. I, § 8, Part 8.
34. Lemley, M.A. (2005) Property, Intellectual Property, and Free Riding. *Texas Law Review*. 83. pp. 1031–1075.
35. *Metro-Goldwyn-Mayer Studios, Inc. v. Grokster, Ltd.*, 125 S. Ct. 2764, 2775 (2005).
36. Chander, A. (2003) The New, New Property. *Texas Law Review*. 81. pp. 715–798.
37. Chander, A. & Sunder, M. (2004) The Romance of the Public Domain. *California Law Review*. 92. pp. 1331–1373.
38. *Commission On Intellectual Property Rights, U.K. Secretary Of State For International Development, Integrating Intellectual Property Rights And Development Policy 21* (2002). [Online] Available from: http://www.iprcommission.org/graphic/documents/final_report/CIPRfullfinal.pdf.
39. Gordon, W.J. (1982) Fair Use as Market Failure: A Structural and Economic Analysis of the Betamax Case and Its Predecessors. *Columbia Law Review*. 82. pp. 1600–1657.
40. Ackerman, B.A. (1980) *Social Justice in the Liberal State*. New Haven: Yale University Press.
41. Barry, B. (2005) *Why Social Justice Matters*. Cambridge: Polity Press.
42. Chander, A. (2005) Globalization and Distrust. *Yale Law Journal*. 114. pp. 1193–1236.
43. Ashdown, V. (2002) *Telegraph Group Ltd.* [2002] EWCA (Civ) 1142, [2001] W.L.R. 967.